

Бурлуцкая М.Г.

Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия?

Мобильность в условиях трансформации социальных структур возрастает — утверждение, которое можно найти в любом учебнике по социальной стратификации. Но при этом неизвестными остаются ответы на многие вопросы относительно механизмов и тенденций межпоколенной мобильности в трансформирующемся обществе. За счет активности каких слоев и групп происходят изменения? Можно ли утверждать, что постсоветское общество — открытое общество, предоставляющее максимальные шансы для мобильности вверх? Сохраняется ли преемственность статуса между поколениями в условиях масштабных трансформаций?

Возможность ответить на эти вопросы предоставляется на основе анализа межпоколенной мобильности возрастной когорты 30 — 33-летних^[1]. В жизненном цикле индивида этот возраст можно охарактеризовать как время утверждения профессионального статуса и наиболее активной профессиональной карьеры. Уникальность объекта исследования заключается в том, что это поколение молодых людей, родившихся и получивших первичное образование в советской России и вынужденных адаптироваться к новым экономическим и социальным условиям. Несмотря на то, что выбор профессии для подавляющего большинства уже сделан, социальные изменения переживаются ими в молодом возрасте, когда велики шансы мобильности и молодость может использоваться как ресурс. Возможность "вписаться" в новые социальные структуры у этой когорты теоретически выше, чем у более старших поколений. По этим причинам когорта тридцатилетних может выступать в качестве объекта исследования во многих отношениях идеального для рассмотрения проблематики межпоколенной мобильности в условиях общественных трансформаций.

Проблематика межпоколенной мобильности в современной России, открывая широкие перспективы для социологического анализа, требует решения целого ряда методологических и технических проблем. В современных российских исследованиях межпоколенной мобильности иногда проводится сравнение современного статуса родителей и детей, что, несомненно, проще. Однако, на наш взгляд, корректное исследование межпоколенной мобильности возможно только если мы сравниваем один период жизненного цикла двух поколений. Тридцатилетие родителей респондентов приходится на конец 60-х — начало 70-х гг. Таким образом, сравнение социального статуса сегодняшних тридцатилетних и их родителей в этом же возрасте — это сравнение двух стратификационных систем, работа в двух разных "системах координат". При этом элементарное методическое требование к исследованию межпоколенной мобильности — статус "детей" и "родителей" должен измеряться по единой шкале.

Таким образом, существуют методологические проблемы, которые требуют решения. Возможен ли классический анализ межпоколенной мобильности в обществе, переживающем столь значительную трансформацию стратификационной структуры? Все методики исследования межпоколенной мобильности рассчитаны на общество относительно стабильное. Можно ли адаптировать их к современным российским условиям? Прежде чем ответить на эти вопросы, следует вкратце охарактеризовать стратификационные системы советского и постсоветского общества.

В основе социального расслоения советского общества лежат противоречивые процессы. С одной стороны, на социальное неравенство влияет потребность индустриального общества в квалифицированных кадрах, отсюда значимость таких критериев стратификации, как образование и квалификация. Однако неравенство, связанное с процессом индустриализации, было наиболее ярко выражено в годы первых пятилеток и начале 1950-х гг., когда статус дипломированных специалистов и наиболее квалифицированных рабочих был значительно выше социального положения других групп. В 1960-е гг. усиливаются уравнивательные тенденции, снижается жизненный уровень интеллигенции, происходит консервация социальной структуры и набирают силу факторы формирования социального расслоения, не свойственные индустриальному обществу. Возрастает роль аскриптивных характеристик статуса – тип поселения, отрасль промышленности, принадлежность к особенно выделяемой по идеологическим соображениям группе.

Противоречивость процессов, лежащих в основе социального расслоения, приводит к декомпозиции признаков социального статуса. Статусная рассогласованность выражается в несоответствии профессионального статуса другим характеристикам социального положения – уровню доходов, престижности и т.д. Существует множество примеров работы высокообразованных профессионалов на низкооплачиваемых позициях, завышенной оплаты неквалифицированного труда. Таким образом, одномерный анализ стратификации советского общества, выделение какого-то одного ведущего признака невозможен. Имеет смысл только выделение разных срезов стратификации и, следовательно, анализ различных видов мобильности в их взаимосвязи.

Стратификационную систему Советского Союза можно охарактеризовать как этакратическую, то есть основной признак расслоения, оказывающий максимальное влияние на другие – формальная принадлежность к управленческим структурам и место в должностной иерархии. Кроме этого, основного среза стратификации, в обществе 70-х годов можно выделить еще несколько:

1. *Стратификация по уровню материального благосостояния.* Анализ положения человека на этой оси стратификации должен проводиться с учетом следующих признаков: доход, жилищные условия, владение предметами быта, качество отдыха. При этом доход играет не определяющее значение.
2. *Территориальная стратификация.* Неравенство между территориями и типами поселения.
3. *Отраслевая стратификация.* Занятость в промышленном производстве или во второстепенных с точки зрения советской экономики областях значительно влияет и на уровень доходов, и на доступ к привилегиям, поэтому этот вид стратификационного расслоения должен учитываться при анализе всех вышеперечисленных осей стратификации.
4. *Стратификация по роду занятий.* Критерий здесь – исполняемые профессиональные обязанности с учетом уровня квалификации.

Трансформация социальной структуры, происшедшая в России, изменила основной критерий неравенства. Решающую роль в формировании стратификационной системы в современной России играют экономические факторы, прежде всего, расслоение по уровню доходов. Социальная структура современного общества неоднородна. Смена структуры не происходит резко, социальная структура по своей сути в переходный период

гетерогенна, она включает в себя как субъектов новых экономических отношений, так и носителей уходящей тоталитарной системы хозяйствования. Поэтому существуют значительные различия в доходах и уровне жизни не только в разных отраслях экономики, но и на предприятиях разных форм собственности. Отраслевая стратификация в современном обществе дополняется стратификацией секторов экономики. Кроме того, в современной России, как и в советском обществе, ярко выражена статусная рассогласованность. Традиционные характеристики профессионального статуса, такие как уровень квалификации, должность (на низком и среднем уровне должностной иерархии), уровень образования, не играют определяющей роли в социальной дифференциации.

Вернемся к вопросу о том, насколько возможно исследование межпоколенной мобильности в обществе, переживающем трансформацию социальной структуры. Такая возможность, на наш взгляд, существует. Подобное исследование должно базироваться на следующих методологических принципах:

- Использование системы шкал мобильности, в основе каждой из которых лежит один критерий неравенства.
- Анализ мобильности в тех срезах социального пространства, которые являются определяющими для каждого из этапов: расслоение по критерию власти (советский период) и по критерию доходов (постсоветский период).
- Использование шкалы профессиональной мобильности в качестве базовой для сравнения различных характеристик статуса, и соответственно, траекторий мобильности. Именно эта шкала представляется адекватной, поскольку она учитывает структуру экономики. Профессиональная структура предстает как система функциональных мест, набор которых в каждый конкретный период общественного развития зависит от потребностей экономики.

Ограниченность эмпирического материала, к сожалению, не позволила провести анализ мобильности между элитными слоями общества и большинством. Поэтому расслоение по уровню власти анализировалось в рамках структуры занятости.

Определенные трудности возникли при конструировании шкалы для измерения межпоколенной экономической мобильности. Критерии и механизмы расслоения по материальному положению в двух временных периодах – 1970-х и 1990-х гг. – существенно различаются. Если в советской России большее значение имел фактор доступа к привилегиям, то в настоящее время определяющую роль играет уровень доходов. Кроме того, высота стратификационной иерархии несоразмерна. Если даже исключить из анализа элитные группы, в 1990-х гг. в России дифференциация по уровню материального достатка гораздо ярче выражена. Однако в любом обществе существуют “богатые” и “бедные”, хотя смысловое наполнение этих категорий может различаться. Поэтому в результате мы сформировали относительную шкалу материального благосостояния для каждого поколения на основе отношения к прожиточному минимуму.

Итак, каковы основные тенденции межпоколенной мобильности в современном российском обществе?

Межпоколенная мобильность происходит в основном под воздействием структурных причин. Например, процессы реструктуризации экономики, рост доли сектора услуг и торговли при одновременном сокращении производственного сектора привели к возникновению значительных потоков мобильности. Группа рабочих в сфере

обслуживания и торговли значительно возросла численно, что связано, прежде всего, с увеличением количества продавцов, которые составляют около 45% всех работников сферы обслуживания и торговли в поколении тридцатилетних. Наследование в этой группе происходит от матери к дочери – индекс стабильности по этой линии составил 0,30. Это означает, что значительная часть женщин–респондентов, работающих сегодня в сфере обслуживания и торговли, имеет матерей в таком же профессиональном статусе. Возрастание доли мужчин в этой профессиональной группе идет не за счет наследования статуса родителей, а за счет перехода из других групп.

Индивидуальные траектории мобильности респондентов, пополняющих группу рабочих в обслуживании и торговле, демонстрируют значительную обусловленность мобильности структурными причинами. Работать в обслуживании и торговле с самого начала своего трудового пути стали только 8% респондентов. Остальные перешли в эту группу преимущественно из групп промышленных рабочих, ведущих специалистов и специалистов среднего звена, изменив профессию. Таким образом, путь мобильности для респондентов, пополняющих группу рабочих в сфере обслуживания и торговли: через наследование статуса родителей, изменение профессии – в новую статусную группу.

Группа, демонстрирующая наибольшую преемственность практически по всем линиям, – это группа квалифицированных рабочих в промышленности, строительстве и транспорте. Индекс стабильности для этой группы по отцовской линии самый высокий и составляет 0,75, по материнской линии эта цифра – 0,50. Интересно, что анализ мобильности в группах по полу показывает, что наследование статуса квалифицированного рабочего свойственно не только для линии отец – сын, но и для линии отец – дочь.

В то же время, для группы промышленных рабочих характерна высокая структурная мобильность по линии отца – 59%. Выходцы из семей квалифицированных промышленных рабочих – самой многочисленной группы в 70-х гг. – пополняют сегодня растущие группы. Это, прежде всего, группы работников обслуживания и торговли, индивидуально занятых и безработных. Причем мобильность в этом случае происходит именно под воздействием перемен и зачастую имеет вынужденный характер. Это доказывает анализ индивидуальных траекторий мобильности. Первый шаг профессионального пути для большинства выходцев из семей рабочих – наследование статуса родителей. Затем происходит расхождение траекторий – часть респондентов оказываются без работы или переживают нисходящую мобильность, часть же, воспользовавшись новыми возможностями, начинают свое дело, занимаются индивидуальным предпринимательством, уходят на более высокооплачиваемые места в сфере торговли. Однако не всегда такая траектория мобильности свидетельствует об активности респондентов. Для многих начало индивидуальной экономической деятельности – выход из ситуации безработицы.

Для многих респондентов характерен выбор стратегии дополнительной занятости. Оставаясь на прежнем месте работы, они используют новые структурные возможности, открывая свое дело или занимаясь индивидуальной деятельностью, подрабатывая на дополнительной работе. Причем дополнительная занятость для этого поколения носит массовый характер, становясь основной стратегией включения в новые социальные структуры.

Для группы ведущих специалистов, как не раз отмечалось в социологических исследованиях, приблизительно с середины 80-х годов характерна тенденция к самовоспроизводству. Результаты нашего исследования, в целом, подтверждают этот вывод. Мобильность выходцев из группы ведущих специалистов относительно низкая.

Доля этой группы в поколении детей выше, чем в поколении родителей. Рост группы произошел за счет увеличения числа финансовых и коммерческих специалистов – бухгалтеров, экономистов, специалистов по персоналу и т.д. Индивидуальные траектории мобильности для этой профессиональной группы очень интересны. Мы уже отмечали, что многие респонденты унаследовали этот статус от родителей. Однако только 20% ведущих специалистов из поколения тридцатилетних вошли в эту профессиональную группу сразу, с первого места работы. Для значительной части респондентов характерна следующая траектория мобильности (или, точнее будет сказать, наследования) – первая работа квалифицированным рабочим, получение образования и только после этого – вхождение в группу ведущих специалистов. Описанная траектория мобильности характерна для 40 — 45% респондентов, в зависимости от линии анализа – отцовской или материнской. Такой путь мобильности – наследование статуса родителей через временное понижение статуса – характерен для престижных групп в западных странах.

Несмотря на значительные изменения в социальной структуре, общество остается в значительной степени закрытым. Возможности исследования элитных слоев в рамках массового опроса ограничены, однако мы можем сделать некоторые заключения относительно наиболее успешных групп — руководителей, предпринимателей с относительно высоким уровнем дохода. Формирование этих групп идет в значительной степени за счет детей руководителей и ведущих специалистов. Более всего влияние этой тенденции заметно в группе руководителей фирм малого и среднего бизнеса. В этой подгруппе 44% – выходцы из семей, где отец занимал руководящую должность. Выходцы из семей рабочих и служащих пополняют, в основном, нижние уровни группы руководителей (начальники цехов и участков).

То есть успешная интеграция в новые экономические и политические структуры в значительной степени зависит от ресурсов, наследуемых от родительской семьи. Речь идет не о материальных ресурсах. В обеспеченных группах произошла почти полная “смена состава”. В группе “обеспеченных” индекс стабильности составил 0,16, а в группе “богатых” лишь 0,04. Следовательно, высокий статус по доходу в условиях трансформации социальной структуры не передается от родителей к детям. Передается, скорее, уровень образования, социальные связи, ориентация на успех. Однако, чтобы это подтвердить, необходимо специальное исследование.

Еще одно подтверждение относительной закрытости современного российского общества — существование наследственной бедности. Низкодоходный слой в современном обществе численно увеличился более чем в 5 раз, в советский период к нему можно отнести только около 7% семей родителей. Но наследование статуса в этой группе максимально (индекс стабильности 0,36), это означает, что в этих группах более 1/3 респондентов сохранили статус своих родителей. Таким образом, наследственная бедность, характерная для западных обществ, существует и в России и воспроизводится несмотря на модификацию структуры.

В целом можно сделать вывод, что новыми возможностями, предоставляемыми социальной структурой, воспользовалась небольшая часть молодежной когорты. Мобильность, как правило, обусловлена структурными причинами и имеет вынужденный, адаптивный характер. Наследование высших позиций в социальной иерархии сохранилось несмотря на модификацию социальной структуры.

Примечания

1) Данные международного лонгитюдного проекта "Пути поколения", руководитель — М.Х. Титма.